

АСИЯ КРАВЕЦ

ВРАГ МУЖА.
РОДИШЬ
И МНЕ

18+

18+

Асия Кравец

Враг мужа. Родишь и мне

«Автор»

2026

Кравец А.

Враг мужа. Родишь и мне / А. Кравец — «Автор», 2026

Я бежала от мужа, когда узнала о беременности. До этого верила его извинениям, прятала синяки и училась угадывать настроение по звуку шагов. Ради ребёнка решилась на то, на что для себя сил уже не осталось. Укрытие предложил единственный человек, которого боялся мой муж. Только я слишком поздно поняла, зачем ему чужая жена. Меня собирались отдать на расправу, чтобы выиграть давнюю войну. А когда он передумал, цена спасения оказалась страшнее любого долга.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Асия Кравец

Враг мужа. Родишь и мне

Враг мужа

Родишь и мне

18+

Аннотация

Я бежала от мужа, когда узнала о беременности. До этого верила его извинениям, прятала синяки и училась угадывать настроение по звуку шагов. Ради ребёнка решилась на то, на что для себя сил уже не осталось. Укрытие предложил единственный человек, которого боялся мой муж. Только я слишком поздно поняла, зачем ему чужая жена. Меня собирались отдать на расправу, чтобы выиграть давнюю войну. А когда он передумал, цена спасения оказалась страшнее любого долга.

Эта история предназначена для взрослых читателей. В ней изображены домашнее насилие, преследование и давление на решения о материнстве. Поступки героев не являются образцом отношений, а жестокость не становится оправданной оттого, что её называют любовью. Все персонажи и события вымышлены.

Глава 1

Муж поставил мой чемодан на обеденный стол между салатом и серебряным ведёрком со льдом. У чемодана разошлась молния, и из щели свисал рукав старого свитера. Я заправляла его утром, сидя на полу гардеробной, когда ещё верила, что успею уехать до ужина. Теперь на этот рукав смотрели восемь человек. Виктор налил себе вина, отодвинул стул и подождал, пока официант замрёт у двери. Мне захотелось попросить этого незнакомого парня остаться. Хоть кого-нибудь попросить остаться со мной до утра.

— У нас сегодня проводы, оказывается, — произнёс Виктор, придерживая бокал за ножку. На правой руке блеснуло кольцо, которое я сама надела ему в день свадьбы. — Верочка решила, что ей здесь плохо. Собралась пожить отдельно. Может быть, ты объяснишь друзьям, чего тебе не хватает? А то у меня, как у мужа, фантазии уже нет.

Я смотрела на пятно соуса на своей тарелке. За весь вечер удалось проглотить только кусочек хлеба, и от запаха мяса мутило. На запястье под широким браслетом пульсировала боль. Виктор сжал его ещё в коридоре, когда встретил меня у лестницы, и шепнул, чтобы за столом я вела себя прилично. Тогда я поняла, что чемодан нашли. Только придумать, что сказать, так и не смогла. В голове крутилась дурацкая мысль о свитере, который подарила мама. Сваленый, с вытянутыми локтями, он был единственной вещью в этом доме, на которую Виктор никогда не претендовал.

— Мне нужно отдохнуть, — выговорила я, ощущая, как дрожит подбородок. Соседка по столу поспешно занялась салфеткой, а её муж потянулся за водой. — Я тебе говорила. Мы могли обсудить это вдвоём. Зачем ты принёс сюда мои вещи?

Виктор отхлебнул вина. Он смотрел на гостей так, что они сами начинали смеяться над его шуткой. Днём его фотографировали для делового журнала, а сейчас на спинке стула висел пиджак стоимостью в несколько моих прежних зарплат. Я три года жила среди этих ценников. Знала, сколько стоят шторы, машина, часы, но уже не помнила, когда покупала себе хлеб за деньги, которые могла потратить без отчёта. В двадцать семь лет я просила разрешения на парикмахерскую. В двадцать четыре мне казалось, что мужчина, оплативший мамину операцию, никогда меня не обидит.

— Вера, ну что ты, — вмешалась Людмила, жена партнёра. Она коснулась моего локтя, и я едва удержалась, чтобы не отдёрнуть руку. — У вас такой дом, такие возможности. Съезди на море, выспись. Женщине иногда кажется, что всё плохо, а ей всего лишь нужен отдых.

Я посмотрела на неё. Хотелось поднять рукав, показать ожог выше локтя, спросить, сколько дней на море нужно, чтобы перестать слышать свистящий вдох мужа, который за обедом гладит тебе руку, а ночью выворачивает её за спину. Виктор следил за моим лицом, и я уже знала, чем закончится любая попытка заговорить. Пальцы соскользнули с края стола. Я поднялась так осторожно, словно могла разбудить сидящего напротив зверя, и попросилась в ванную. Гости зашевелились с преувеличенным облегчением. Кто-то даже заговорил о пробках.

В коридоре меня догнал муж. Он взял чемодан со стола и нёс его легко, двумя пальцами, пока я шла перед ним к лестнице. Дверь гостевой комнаты закрылась, отрезав музыку. Здесь пахло свежим бельём и цветами, которыми Галина украсила дом перед ужином. Виктор положил чемодан на кровать, открыл и начал доставать вещи. Бельё, джинсы, мамин свитер. Всё он раскладывал аккуратно. От этой аккуратности у меня пересохло во рту.

— Кто тебя ждёт? — спросил он, доставая конверт. Внутри были наличные, которые я собирала несколько месяцев, оставляя часть денег после покупок. — Вот это особенно мило. Я оплачиваю твою жизнь, а ты обворовываешь меня, чтобы сбежать. К кому, Вера? Посмотри на меня и назови имя.

Я выговорила, что мне не к кому идти. Произнесла это в полный голос, и он ударил меня по лицу. Голова дёрнулась, во рту появился вкус крови. Я ухватилась за покрывало, пытаюсь устоять, и Виктор перехватил меня за волосы. Боль заставила поднять голову. Он рассматривал моё лицо с таким вниманием, будто повреждение сделала я сама и теперь ему предстояло выяснить, насколько оно испортит семейную фотографию. За дверью звякнула посуда. Ужин продолжался.

— Никогда больше не унижай меня при людях, — сказал он. Его дыхание пахло вином. Я стояла на цыпочках, потому что иначе тянуло кожу на голове. — У тебя есть всё. Всё, о чём такие, как ты, мечтают. А ты заставляешь меня заниматься этим вместо нормального вечера. Как думаешь, долго у меня хватит терпения?

Я вцепилась в его запястье. Уже знала, что спорить сейчас бесполезно, но сил терпеть ещё один удар не осталось. Крик вылетел прежде, чем удалось прижать язык к нёбу. Я закричала, чтобы он отпустил, и получила второй удар. Виктор толкнул меня на кровать, схватил конверт и бросил вещи на пол. Когда он вышел, я ещё несколько секунд лежала, закрыв голову руками. Только щелчок замка вернул способность двигаться. Он запер меня, как уже запирали десятки раз, и отправился объяснять друзьям, что у жены мигрень.

В ванную при гостевой комнате я поползла, держась за стену. Под холодной водой лицо горело сильнее. В зеркале была женщина с разбитой губой, дорогими серьгами и испугом, который перестал исчезать даже во сне. Я сняла серьги, положила их на край раковины и полезла в карман халата, висевшего на крючке. Два дня назад спрятала там тест. Купила вместе с шампунем и ватными дисками, пока водитель отвечал на звонок. Всё откладывала. Боялась узнать, боялась не узнать, пересчитывала дни и убеждала себя, что задержка от бессонницы.

Вторую полоску я сначала приняла за тень. Поднесла тест к свету, вытерла слёзы запястьем и посмотрела ещё раз. Она становилась ярче, пока из-за двери доносился смех моего мужа. Я села на холодную плитку и положила ладонь на живот. Впервые за долгое время испугалась сильнее, чем боялась Виктора. Теперь он мог добраться до того, кто ещё даже не умел от него прятаться.

Глава 2

Утром муж подарил мне серьги. Другие, с зелёными камнями, в длинной коробке, обтянутой бархатом. Положил её на покрывало и присел на край кровати, пока я притворялась спящей. От его пальцев на щеке меня затошнило. Он вздохнул, как вздыхал всякий раз, когда я заставляла его сожалеть о собственной вспыльчивости, и попросил больше так его не доводить. Я кивнула в подушку. Под наволочкой лежал завернутый в туалетную бумагу тест.

— У тебя губа распухла, — заметил Виктор, осторожно проведя по ней большим пальцем. Я задержала дыхание, чтобы не отшатнуться. — Позвоню Сергею Павловичу. Пусть посмотрит, выпишет что-нибудь. В пятницу приём, ты должна быть со мной. И, пожалуйста, обойдёмся без этих твоих театральных выходов.

Я попросила отвезти меня в клинику, сказав, что кружится голова. Голос звучал сипло после вчерашнего крика, но это оказалось полезно. Виктор терпеть не мог женские жалобы и охотно передал их человеку, которому платил за то, чтобы в его семье всё оставалось благополучным. Он уехал, оставив коробку на постели. Водитель ждал внизу. Я выбросила тест в мусорный контейнер клиники, а не дома, и с горечью заметила, как много времени трачу на сокрытие вещей, которыми другие женщины делятся с мужьями.

Сергей Павлович посмотрел губу, задал несколько вопросов и привычно отвёл глаза, когда я подняла рукав. Я сказала, что хочу поговорить с гинекологом. Он помедлил, выбирая между моим лицом и фамилией в карте, а я попросила ещё раз. В соседнем кабинете принимала женщина лет пятидесяти с короткими седыми волосами. На её столе стояла чашка с отколотой ручкой. За дверью смеялись медсёстры, пока врач застилала кушетку чистой пелёнкой. Мне хотелось остаться здесь до утра и никуда больше не идти.

— Срок небольшой, около восьми недель, — сказала врач, когда обследование закончилось. Она подала мне салфетки и дождалась, пока я сяду. — Вера, у вас есть человек, которому вы можете позвонить? Я сейчас спрашиваю о том, кто поможет вам, а не объяснит, почему вы обязаны терпеть.

Я прижала бумажные салфетки к коленям. Мама умерла за год до свадьбы. Отец давно жил другой семьёй, в которой обо мне вспоминали к праздникам. Подруг Виктор вытеснил постепенно. С одной я поссорилась после его замечаний, другая перестала приглашать, потому что я отменяла встречи. Лида, с которой мы работали в цветочном салоне, несколько раз писала мне, но муж называл её завистливой прилипалой. Последнее сообщение я помнила наизусть. Лида устроилась в гостиницу «Берег» и звала зайти на кофе в любую её смену.

— Есть подруга, — ответила я и сама удивилась, что смогла произнести это без оговорок. Врач протянула чистый лист, а я вцепилась в него обеими руками. — Мужу пока не говорите. Пожалуйста. Я сама решу, когда сказать. И мне нужны копии того, что вы записали про синяки.

Она объяснила, какие документы выдаст, предложила помощь с обращением из-за побоев и спросила, готова ли я к этому сейчас. Я попросила время. Мне было стыдно за этот ответ, за собственную осторожность, за то, что даже здесь первым делом подумала о том, как разозлится Виктор. Врач не стала меня уговаривать. Вложила бумаги в неприметный конверт, написала номер, по которому можно связаться с ней через регистратуру, и велела обратиться за помощью при ухудшении самочувствия. Уходя, я увидела, как она сжала ручку. Возможно, ей тоже хотелось на кого-нибудь закричать.

Дома Галина застала меня над открытым ящиком с бельём. Я пыталась спрятать конверт и от испуга выронила его. Она присела, подняла лист с результатом обследования и замерла. Галина работала у Виктора дольше, чем я была с ним знакома. Видела мои разбитые тарелки, слышала ссоры, приносила лёд. Каждый раз её молчание ранило по-разному. Сейчас я ждала,

что она понесёт бумагу хозяину, и стояла, прижав ладони к животу, хотя защищать там ещё было нечего, кроме моей надежды.

— Господи, девочка, — выдохнула она и положила лист на кровать. У неё дрогнули губы, но плакать она себе не позволила. — Ты уезжать хотела? Я видела, как он вчера чемодан вниз тащил. Скажи мне, что тебе нужно. Хоть сейчас скажи, пока я опять не испугалась.

— Он и его будет бить, — выговорила я, опускаясь на кровать. Галина взяла меня за руку, но я почти не чувствовала прикосновения. — Я иногда сама хочу исчезнуть, лишь бы всё закончилось. А ребёнок при чём? Галь, мне нужен паспорт. Когда Виктор велит собирать документы для поездки, принеси мой. Больше ничего. Пожалуйста.

Галина смотрела на дверь, словно за ней стоял хозяин. Её муж несколько лет болел, работа в этом доме оплачивала сиделку. Я знала, чем она рискует, и уже готова была забрать просьбу назад. Она сжала мою руку и кивнула. После пятничного приёма мы должны были лететь с Виктором за границу. Он сам говорил об этом за завтраком, выбирая мне отдых, как выбирал украшения. Мой паспорт ему требовался только для поездки. Мне он был нужен, чтобы уехать совсем в другую сторону.

Галина принесла паспорт вечером следующего дня. Положила на стопку полотенец и вышла, не дожидаясь благодарности. Внутри лежали четыре тысячи рублей и клочок бумаги с двумя словами, написанными неровным почерком. «Не возвращайся». Я просидела с ним до темноты, вспоминая, как несколько месяцев назад убеждала себя, что должна лучше следить за настроением мужа. Теперь мне предстояло выйти из дома с крохотной сумкой и человеком внутри меня, ради которого уже нельзя было передумать.

Глава 3

В машине Виктор держал ладонь у меня на колене. Я смотрела на неё и считала повороты. На приём он выбрал мне закрытое синее платье, чтобы скрыть следы на руках, а губу велел накрасить темнее. В сумочке лежали паспорт, деньги Галины и конверт из клиники. Всё остальное осталось дома. Даже мамино кольцо, которое я носила на цепочке. Возвращаться за ним было страшнее, чем навсегда его потерять. Я поняла это, когда утром стояла у открытой шкаτούлки и слышала мужнины шаги.

— Сегодня улыбайся, — сказал Виктор, погладив моё колено. За окном проплывали освещённые витрины, а его пальцы оставались неподвижными. — Котов, говорят, тоже приглашён. Если столкнётесь, держись от него подальше. Он любит пачкать чужие вещи. И помни, что после ужина мы уезжаем вместе.

Фамилию Котова я слышала прежде. Муж произносил её редко, с таким выражением лица, будто одно упоминание бывшего партнёра могло испортить ему вечер. Шесть лет назад у них был общий бизнес, закончившийся судом. Виктор говорил, что бывший партнёр заслужил всё случившееся. На вопрос, что именно случилось, отвечал грубостью. Я перестала спрашивать, как перестала спрашивать о многом. В тот вечер фамилия почти не задержалась в памяти. Я думала о дверях, о людях и о том, хватит ли денег доехать до гостиницы.

Благотворительный ужин проходил в большом зале на втором этаже. Внизу работал ресторан, через холл ходили посетители, кто-то сдавал пальто, кто-то забирал заказ. Я ждала, пока Виктора уведут к организатору. Он уже выпил два бокала и заметно расслабился, окружённый людьми, которые смеялись над каждой его шуткой. Я попросилась поправить макияж. Муж посмотрел на меня так, что под платьем выступил холодный пот, но рядом заговорил фотограф, и Виктор отпустил мою руку. Кажется, тогда я впервые за вечер вдохнула до конца.

В дамской комнате я сняла туфли. Положила их в сумку вместе с серёжками, потому что каблуки гремели по камню, а серьги цеплялись за волосы. Несколько секунд стояла босиком, слушая воду в соседней кабинке. Можно было ещё вернуться. Сесть за стол, улыбнуться, вечером сказать о ребёнке и надеяться, что беременную он пожалеет. Я представила вчерашнюю ладонь в своих волосах. Представила маленькое тело, которое однажды придётся прикрывать собственным, и вышла в коридор.

До первого этажа удалось дойти вместе с двумя женщинами. Они обсуждали десерт и даже не заметили, как я присоединилась к ним на лестнице. В холле пришлось надеть туфли, опираясь плечом о стену. Гардеробщица спросила номерок, и я отрицательно качнула головой. На улице шёл мелкий дождь. Холод впился в голые щиколотки, но я шагала, пока за спиной оставалась освещённая дверь. Лишь за углом позволила себе оглянуться. Виктора ещё не было.

У светофора я остановила такси. Водитель спросил адрес, посмотрел на моё платье и распухшую губу, убавил радио. Я выговорила название гостиницы и попросила принять наличные. Своим телефоном пользоваться боялась. За день до ужина Виктор вернул его после проверки, и я понятия не имела, что именно он там изменил. Телефон остался в доме. Пока мы ехали, я держала сумочку обеими руками, а водитель несколько раз поглядывал в зеркало, видимо, решая, нужно ли вызывать скорую. Я сказала, что меня ждут. Это прозвучало увереннее, чем я чувствовала.

Лида стояла за стойкой в тёмном жакете. За три года она подстригла волосы и стала полнее, но голос остался прежним. Увидев меня, она оборвала разговор с постояльцем. Я успела сказать, что заплачу за номер, и губы перестали слушаться. Лида вывела меня в небольшую комнату для сотрудников, усадила на диван и стянула мокрые туфли. На пятках была кровь. Она принесла полотенце, набрала кому-то сообщение и села на корточки, чтобы посмотреть мне в лицо.

— Вера, ты от него? — спросила она тихо, накрывая мои колени пледом. Я кивнула, и Лида выдохнула сквозь зубы. — Ладно. Сейчас поешь, согреешься, дальше решим. Только не начинай извиняться за то, что пришла. Я тебе столько раз писала именно для этого, слышишь?

У меня вырвался звук, на плач почти не похожий. Лида обняла меня, и я уткнулась ей в плечо, чувствуя запах стирального порошка. За стеной открывались двери лифта, катились чемоданы, люди продолжали обычный вечер. Мне хотелось оказаться одной из них. Приехать в город по делу, заказать чай, пожаловаться на погоду. Лида гладила меня по спине, пока в коридоре не зазвонил служебный телефон. Она ответила, выслушала и изменилась в лице.

Виктор уже позвонил в гостиницу. Вспомнил Лиду, чьё имя когда-то видел в моих сообщениях, и потребовал проверить, не приехала ли к ней жена. Дежурный администратор сообщил управляющему. Тот, узнав фамилию Ланского, позвонил владельцу, который находился в городе. Лида объясняла это торопливо, пока я натягивала мокрые туфли. Дверь открылась прежде, чем удалось застегнуть ремешок. В комнату вошёл высокий мужчина в чёрном пальто, за ним остался сотрудник охраны.

— Вера Ланская? — уточнил незнакомец, переводя взгляд с моего лица на босую пятку. Я застыла, вцепившись в сумку. Мужчина снял перчатки и положил их на спинку стула. — Назар Котов. Кажется, ваш муж сегодня очень хочет вас найти. Давайте решим, позволим ли мы ему это.

Глава 4

Котов узнал её ещё в холле по фотографии, присланной управляющим. На снимке из делового журнала Ланская стояла под руку с мужем в белом платье. Здесь сидела с мокрыми волосами, кровью на пятке и взглядом человека, который ждёт нового удара. Назару понадобилось несколько секунд, чтобы совместить два лица. В городе его фамилией давно пугали должников. Одни называли его предпринимателем, другие авторитетом, и Котов охотно пользовался тем, что люди помнят оба слова. Разорить человека, который встал поперёк дороги, он считал рабочим решением и сожалениями себя не изводил. Он приехал в гостиницу, ожидая скандальную светскую жену, которой надоели ограничения. Увиденное оказалось полезнее и неприятнее. Виктору было что скрывать, а женщина перед ним могла это подтвердить.

Шесть лет назад Ланской передал следствию бумаги, на которых стояли подписи Назара. Часть подписей была поддельной, часть Назар поставил сам, доверившись партнёру. Пока он доказывал, как всё произошло, Виктор забрал компанию. Назар провёл в заключении почти четыре года. Отец умер, когда до освобождения оставалось семь месяцев. Вернувшись, Котов выстроил другой бизнес и вернул достаточно денег, чтобы перестать считать чужие машины, но на кладбище каждый раз вспоминал, кто сидел за его столом, пока мать хоронила мужа одна. Он давно ждал, когда у Ланского появится слабое место.

— Мне нужен номер на одну ночь, — сказала Вера. Она наконец справилась с ремешком и выпрямилась, хотя лицо у неё стало белым. — Завтра я уеду. Если вы боитесь неприятностей из-за Виктора, я найду другое место. Лида ни при чём, она не знала, что я приду.

Назар оценил, как она прикрыла подругу. Лида стояла рядом и выглядела готовой ударить его папкой, если он сейчас позовёт мужа. Котов попросил управляющего принести чай и вышел в коридор со своим помощником Русланом. Тот знал историю с Ланским и вопроса о дальнейших действиях не задал. Лишь сообщил, что у входа показалась машина, похожая на ту, которой пользуется охрана Виктора. Назар велел никого не пускать к сотрудникам, а жену Ланского оформить в гостинице обычным порядком. Прятать её фамилию от всех на свете было поздно. Зато теперь можно было заставить Виктора нервничать.

— Позвони ему сам, — приказал Назар, глядя через стеклянную дверь на мокрую улицу. Руслан достал телефон, но Котов остановил его движением руки. — Скажи, что жена со мной и возвращаться сегодня не собирается. Если захочет разговаривать, пусть вспомнит, какой у него передо мной долг. Только без подробностей о её состоянии. Это я ему покажу, когда понадобится.

Вернувшись, он застал Веру с чашкой, которую та держала обеими руками. Лида положила к её пятке пластырь. На диване лежал раскрытый конверт из клиники. Назар увидел слово, заставившее его задержаться у двери, и взгляд Веры метнулся к бумаге. Она спрятала её слишком поздно. Котов сел напротив, опёрся локтями о колени и спросил о сроке. Вера покраснела так резко, будто он коснулся её без разрешения. Ему захотелось смягчить вопрос, и он разозлился на это желание.

— Восьмая неделя, — ответила она, глядя на край чашки. Большой палец тёр трещинку на глазури. — Виктор не знает. Если расскажете, я уже никогда от него не уйду. Он будет решать всё. Куда мне ходить, с кем говорить, как дышать. А когда родится ребёнок, решит и за него.

Назар поднялся и отвернулся к окну. Он умел угрожать людям, лишать их денег, ждать, когда они сами принесут нужные бумаги. Здесь задача должна была быть той же. Жена, ребёнок, репутация образцового благотворителя. Достаточно посадить Ланского за стол и объяснить, что за молчание придётся заплатить правдой. Вера вернётся к мужу после подписания соглашения, а дальнейшее будет её делом. Так Назар сформулировал план, пока смотрел на

стоящую у входа машину. Мысль о том, что Ланской сделает с ней после возвращения, он отодвинул.

— Сегодня вы останетесь здесь, — сказал он, повернувшись. Вера подняла голову, и от открытой надежды в её глазах Назару стало досадно. — Утром отвезу вас в дом за городом. Там вас охраняют мои люди. Если решите ехать дальше, сначала обсудим, как это устроить. А сейчас вам нужен врач и сон.

Она спросила, сколько это стоит. Назар посмотрел на сложенные на столе купюры и усмехнулся прежде, чем успел сдержаться. Вера приняла усмешку за презрение, сгребла деньги и попыталась встать. Он удержал её за локоть, почувствовал, как напряглась рука, и отпустил. Ему хотелось сказать, что он не её муж. Но в телефоне уже лежало сообщение от Руслана. Ланской готов был встретиться. Назар попросил перенести разговор на завтра и убрал телефон, пока Ланская продолжала смотреть на него.

Ночью ему принесли запись с камеры коридора. Ланская вышла из номера, дошла до лестницы и долго стояла перед дверью, проверяя, откроется ли она. Дежурный спросил, нужна ли помощь. Женщина покачала головой и вернулась к себе. Назар пересмотрел этот короткий кусок дважды. Утром он всё равно приказал отвезти её в свой дом. Полезных людей он отпускать не привык, а беременная жена Виктора была полезнее любого свидетеля за последние шесть лет.

Глава 5

В доме Котова пахло кофе и хлебом. На крыльце стояли грязные сапоги, в холле лежала коробка с лампочками. Пожилая женщина в фартуке извинилась за рабочих и повела меня наверх. Назар шёл за нами с моей сумкой. Всё, что осталось от трёх лет брака, помещалось у него в одной ладони.

На кровати лежал новый халат, в ванной стояли запечатанные принадлежности. Я проверила дверь, пока женщина рассказывала, где взять полотенца. Замок закрывался изнутри. За окном виднелись сад и дорога, по которой ехала белая машина. До неё было несколько минут ходьбы, если мне разрешат выйти из дома.

— Вас как зовут? — спросила я женщину, когда она поставила на стол поднос. Та поправила стакан в подстаканнике и посмотрела на меня внимательнее. — Простите, я прослушала. Мне сейчас трудно всё запоминать. И ещё... Можно я буду сама спускаться за едой? Когда смогу.

Она назвалась Тамарой и сказала, что работает здесь четыре года. На вопрос про еду ответила так буднично, что у меня защипало глаза. Назар остался у двери, пока я садилась на кровать. Ночью врач обработал губу и пятки, а под утро мне удалось поспать. Теперь слабость накатывала волнами. Я понимала, что должна выяснить условия, пока ещё могу держаться уверенно, и попросила вернуть сумку. Котов поставил её рядом со мной. Паспорт лежал внутри, деньги тоже. От облегчения пальцы задрожали сильнее.

— Почему вы помогаете мне? — Я заставила себя посмотреть ему в лицо. У него оказался шрам под нижней губой, почти незаметный, пока он молчал. — Я слышала вашу фамилию от Виктора. Вы ненавидите друг друга. Мне нужно знать, чего вы ждёте взамен, пока я ещё могу уйти.

Назар прислонился плечом к косяку. Он был старше меня лет на десять, и за эти десять лет с ним, кажется, произошло больше, чем я могла представить. Руки у него были крупные, с коротко стриженными ногтями. На костяшках виднелись старые рубцы. Я поймала себя на том, что смотрю на руки каждого мужчины. Сначала руки, после выражение лица. За три года с Виктором этот порядок стал привычным, и от осознания мне захотелось заплакать сильнее, чем от боли.

— Правды, — ответил Котов. Он произнёс это без улыбки, как цену на товар. — В какой-то момент мне понадобится, чтобы вы рассказали, что происходило у вас дома. Своими словами, под запись. Виктор очень дорожит репутацией. Я намерен сделать так, чтобы она перестала его прикрывать.

Я спросила, вернёт ли он меня мужу, если я откажусь. Назар выдержал паузу, слишком длинную для ответа, который хотелось услышать. Сказал, что сейчас я в безопасности, и попросил отдохнуть. Это было уклонение, я умела их узнавать. Впрочем, сил на следующий вопрос уже не хватило. Когда дверь закрылась, я пододвинула к ней стул, чувствуя себя нелепо. Он скрипел по полу, и я замерла, ожидая замечания. За дверью никто не остановился.

Проснувшись я от собственного вскрика. Во сне Виктор требовал отдать ему ребёнка, которого я держала завернутым в мамин свитер. За окном уже темнело. На подносе остыли сырники. Я съела один, стоя у стола, и заплакала от голода и облегчения. Слёзы текли по лицу, пока я жевала.

Внизу громко хлопнула дверь. Мужской голос потребовал позвать хозяина, и я уронила вилку. Голос был знакомым, но я никак не могла поверить в услышанное. Я отодвинула стул, вышла на площадку и увидела в холле отца. Он стоял в расстёгнутой куртке с телефоном в руке. Рядом Руслан преграждал ему путь к лестнице. У меня затряслись колени. За последние три

года отец навещал меня только по приглашению Виктора, который помогал его новой семье деньгами.

— Верочка, спускайся, — позвал он, заметив меня. В голосе прозвучало облегчение, как у человека, нашедшего потерянную вещь. — Что же ты устроила? Муж места себе не находит. Поехали домой, поговорите. Он обещал, что сердиться не будет. Ты взрослый человек, зачем втягивать посторонних?

Я спустилась на несколько ступеней. Хотелось кинуться к нему, показать губу, сказать, что мне страшно. Отец смотрел мимо моего лица на стоявшего внизу Назара. Котов появился из кабинета и остановился у перил. Я поняла, что Виктор знает адрес, иначе отец не нашёл бы этот дом. Эта мысль ударила с запозданием, а следующая оказалась ещё хуже. Котов сам говорил с ним. За моё укрытие уже начался торг, о котором меня забыли предупредить.

— Папа, он меня бьёт, — сказала я. Слова прозвучали громко в пустом холле, и отступить стало поздно. Я убрала волосы с лица, чтобы отец увидел всё. — Я уехала, потому что боюсь его. Ты можешь хоть сейчас выслушать меня? Один раз. Без того, чтобы объяснять, какой у меня хороший муж.

Отец потёр переносицу. Этот жест я помнила с детства, ещё с тех лет, когда мама пыталась поговорить с ним о другой женщине. Он начинал уставать прежде, чем она заканчивала первое предложение. Сейчас устал от меня. Сказал, что у каждой семьи свои сложности, что Виктор много работает, что я всегда была вспыльчивой. Назар двинулся к нему, но я подняла руку. Мне нужно было услышать до конца. Отец успел сообщить, что билеты на самолёт пропадут и люди уже обсуждают нашу ссору. О ребёнке он не знал, и я промолчала даже сейчас.

Я попросила его уйти. Он заговорил громче, назвал меня дурой и напомнил, кто оплатил мамино лечение. Меня поразило, как легко он отдаёт Виктору заслугу за лечение женщины, которую сам оставил. Меня начало трясти. Назар встал между нами, взял отца за плечо и повёл к двери. Тот попытался вырваться, но Котов наклонился к нему, сказал несколько слов, и сопротивление кончилось. Дверь закрылась. Я сидела на ступеньке, держась за перила, когда Назар вернулся.

— Вы сообщили ему, где я, — произнесла я, не поднимая головы. На платье осталась капля чая, и я растирала её пальцем, пока ткань не потемнела. — Виктору. Поэтому папа приехал. Вы обещали безопасность, а сами дали ему адрес. Как мне теперь верить вам?

Котов присел на ступеньку ниже. Сказал, что гостиницу Виктор уже знал, а дом найти для него было вопросом времени. Потому Назар решил обозначить, чья здесь территория. Он говорил уверенно и, вероятно, считал объяснение достаточным. Я слушала и вспоминала фразу мужа о чужих вещах. Теперь моя жизнь зависела ещё и от Котова. Я поднялась, держась за перила, и вернулась в комнату, пока ещё могла идти без помощи.

Глава 6

На третий день я разбила чашку. Она выскользнула из рук, ударилась о край мойки, и осколки разлетелись по кухне. Тамара находилась в кладовой. Я опустилась на колени, собирая фарфор прежде, чем услышала шаги, и порезала палец. Кровь закапала на белую плитку. От этого стало ещё страшнее, потому что теперь испорчено было дважды. Я торопилась, дышала через рот, шептала извинения. Когда на плечо легла ладонь, меня дёрнуло так, что затылок ударился о столешницу.

Назар выругался, убрал руку и присел рядом. В кухне пахло хлебом. На столе стояла тарелка, в которую Тамара положила мне завтрак, но я уже не могла заставить себя на неё взглянуть. Перед глазами было другое утро, осколки другой чашки и Виктор, объясняющий, что не собирается жить со свиньёй. Назар протянул полотенце. Я сначала приняла его за замах и закрыла голову локтем. Он застыл с поднятой рукой. По его лицу что-то прошло, но я отвернулась, потому что стыд оказался сильнее любопытства.

— Встань, Вера, — сказал он хрипло. Это было первое «ты», и я заметила его даже сквозь шум в ушах. — Чашку выбросим. Пол вымоют. Дай палец посмотреть. Ты сейчас собираешь осколки голой рукой, остановись уже.

Я позволила отвести себя к стулу. Он промыл порез, нашёл пластырь в коробке, которую принесла Тамара, и всё время хмурился. От хмурого лица я вновь начинала извиняться. В конце концов Назар положил руки на стол, отодвинулся и сказал, что извинений ему от меня не нужно, а новый сервиз купит Тамара. Мне хотелось поверить. Я смотрела на приклеенный пластырь и пыталась объяснить себе, почему мужчина, с которым я знакома меньше недели, трогает меня осторожнее того, кому я отдала три года.

После завтрака приехала врач. Та самая, из клиники, имя которой я попросила передать Руслану. Она осмотрела меня в комнате, закрыв дверь перед Назаром. Я рассказала о боли, о сне, о том, как плохо ем. Она задала вопросы, назначила необходимые обследования и напонила, что постоянный страх тоже требует помощи. Я кивала, понимая каждое слово и почти ничего не чувствуя. Мне пока хватало одного знания. Беременность продолжалась. Ребёнок был со мной, даже когда всё остальное становилось чужим.

Днём я позвонила Лиде с телефона, который привёз Руслан. Коробку вскрыла сама, номер выбрала сама, пароль тоже. Назар бросил устройство на стол и сказал, что не желает быть связным между двумя женщинами. Это могло показаться грубостью, но мне дали вещь без требования немедленно предъявить её содержимое. Лида рассказала, что отец звонил ей следом за Виктором. Она послала обоих и теперь боялась за работу. Я начала просить прощения, но она оборвала меня так резко, что я почти улыбнулась.

— У меня начальник сам в это влез, — сказала она, и на заднем плане зазвенели чашки. — Если меня уволят за то, что я помогла его госте, я ему такой отзыв напишу, что он гостиницу переименует. Ты лучше скажи, тебе что привезти? Только нормальный список. Я тебя знаю, сейчас скажешь, что ничего не надо, и останешься в одном платье.

Я попросила джинсы, бельё и толстые носки. Когда проговорила размеры, неожиданно расплакалась. Лида молчала в трубку, позволяя мне справиться, а я вытирала лицо краем халата. Ни одна просьба не требовала оправданий. Можно было хотеть носки из-за холода, а джинсы потому, что они нравятся. Я уже начала забывать, как это бывает. За окном мужчина в рабочей куртке подрезал сухие ветви яблони. Его секатор щёлкал размеренно, и этот звук помогал удержаться в настоящем.

Вечером Назар застал меня в саду. Я вышла после разрешения врача на спокойную прогулку и дошла до старой теплицы. Внутри стояли пустые горшки, мешки земли и несколько погибающих растений. Я открыла дверь, проверила почву пальцем и занялась засохшей пелар-

гонией. Руки помнили лучше головы. Когда-то я могла за десять минут собрать букет человеку, который знал только цвет глаз любимой. В салоне мне нравилось, что испорченную ветку можно убрать, а оставшиеся собрать заново. Виктор считал мою работу несерьёзной и после свадьбы велел уволиться.

— Ты здесь замёрзнешь, — сказал Котов, остановившись в дверях. Я вздрогнула, но осталась на месте. Он оглядел срезанные листья и вытер ладонью запотевшее стекло. — Эта теплица стояла закрытой с прошлого года. Мать решила, что будет выращивать помидоры, и через неделю уехала к сестре. С тех пор здесь живут только пауки.

Я объяснила, что обогрев работает, а растениям нужен уход. Слова потекли увереннее, чем обычно. Рассказала, какие цветы выдержат зиму, что нужно пересадить и почему вода в поддонах губит корни. Назар слушал, прислонившись к двери. Увлёкшись рассказом, я даже забыла следить за его лицом. Он спросил, хочу ли я заняться теплицей. Я ответила, что хочу работать и получать деньги, если это настоящая работа. Он коротко усмехнулся, но при виде моего лица перестал.

Мы договорились о небольшой оплате за уход за растениями и оформление цветов для дома. Сумма была меньше той, которую Виктор тратил на обед, но я переспросила дважды. Назар взял лист бумаги и написал условия, хотя я ещё не успела об этом попросить. Указал, что я могу прекратить работу, когда захочу. Подписался. На секунду мне показалось, что он понимает больше, чем говорит. Я унесла лист в комнату и положила рядом с паспортом.

Перед сном на новый номер пришло сообщение. Виктор получил его от отца, которому я днём сама позвонила, надеясь объяснить ещё раз. Ошибку я поняла, едва увидела знакомое обращение. Муж написал, что заказал детскую кровать. Следом пришла фотография комнаты в нашем доме. У стены стояла коробка, а на ней лежало моё пальто, забытое в гардеробной. Внизу было ещё одно предложение. Он спрашивал, действительно ли я считаю, что смогу спрятать от него его ребёнка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.